

А. Павловский

КАРБОЛИТОВОЕ СЕРДЦЕ

Алексей Павловский
Карболитовое сердце

«Издательские решения»

Павловский А.

Карболитовое сердце / А. Павловский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747091-3

Трудно живётся списанному боевому киборгу. От памяти цензура оставила странные обрывки, а по утрам болит сожжённый западный мост. Что же делать? Прежде всего — умыться, покормить наглого соседского кота и идти к метро, за кофе и сигаретами.

ISBN 978-5-44-747091-3

© Павловский А.
© Издательские решения

Содержание

Долгая смерть поэта	6
01. Геоподоснова	6
02. На районе ночью	10
03. Крокодилы ходят лёжа	12
04. Ограбление века	14
05. Пир духа	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Карболитовое сердце

Алексей Павловский

© Алексей Павловский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Долгая смерть поэта

01. Геоподоснова

Внезапно главной проблемой стали ботинки. Они развалились окончательно. Нормальных сапожников на Теплаке не было, все стали модельеры и норовили шить модельную обувь. На Китай-Городе евреи драли втридорога, а хитрованы хоть и предлагали нулёвую обувку, ещё старого времени, со складов, но стоила она как крыло от самолёта. К тому же за хорошие коркораны запросто могли пристукнуть за гаражами, а при покупке никто не гарантировал, что нитки не погнили. И что? А то, что уже на третью заброску Ваня ходил в валенках с калошами, как дурак. И сегодня одну калошу пролюбил. И вот он в сланцах.

Именно на этот бункер Филин возлагал особые надежды: здесь царил великая сушь. Он даже нашёл в монтерских шкафчиках вполне живые, почти не ношенные берцы, но на два размера меньше нужного. Боты тут же хищно цапнул Рамен, которому они были на три размера велики. Мол, на носок носить стану.

Теперь обломавшийся Филин глухо матерился, подставляя покрытые скверной руки под кран. Почти всё в бункере было в исправности, дизель запускай – и живи, пока здоровья хватит. Даже вода была. Скорее всего. Во всяком случае, труба издавала гулкие предсмертные хрипы, и вот уже забулькало, и в этот момент древний охотничий инстинкт отбросил Ваню прочь от раковины. Тотчас в серую эмаль ударила густая ржавая струя, размётываясь по сортиру вонючими брызгами. Запахло дерьмом. Обтекая, Филин поразмыслил, что хуже ему уже не будет, потому что и так весь покрыт скверной поверх одноразового комбеза. Он принялся мыть руки – вода уже светлела. И даже мыло есть!

Через десять минут Ваня, сменивший комбез, был чист и свеж, и почти не пах трупом.

Тот, кто собирал здешних мертвецов, был лентяй и чистюля, никого не обыскал. В результате Филину пришлось переворошить целую гору скверны. Конечно же, в одиночку – Рамен предсказуемо откосил от сомнительной чести.

Все, поголовно все были больны Румынским смехом первой волны – судя по синеватым негниющим прионным нитям в основании черепа. Но померли все не от смеха, а от эктоплазма, спорами которого был обильно заражён бункер.

Филину обе заразы были по барабану, потому что у него был нормальный медицинский модуль, а вот древнему Рамену с его отсталым железом Ваня с удовольствием вколол конскую дозу убитой эктоплазмы в тыльную часть организма. Зелье было на масляной основе, и старичина орал, как потерпевший.

Железо у мёртвых стояло антикварное, и то даже не у всех. Здесь Филин впервые увидел гемофильтры, здоровенные латунные гильзы в бедренной артерии, модели «мой любимый тромб». Процессоры аж с кулак, с гравированным Железным Львом. Медблоки с прозрачными стеклянными картриджами. Пустыми. Всё такое красивое, тепло-ламповое – и такое бесполезное...

По результатам обыска Ваня получил несколько связок ключей, в том числе от вождя-ленного второго блока. На той же связке болтался и ключ от некоего третьего камерона. Вместо сокровищ Тутанхамона в камероне обнаружился чистый сортир, в котором Филин теперь отмывался.

Помимо всякой забавной мелочёвки попались два пистолета, все в жутких зеленоватых разводах. Дрянь-Лебедянь напрочь погнила, а вот ТТ-шку Филин планировал привести в чувство. Один ТТ у него уже был, но что-то вдруг захотелось побегать с двумя стволами, как Николас Кейдж в художественном фильме «Без лица».

Замотав хабар в стрейч-плёнку, Ваня направил стопы во второй блок, в архив, где счастливый Рамен копался в ветхих бумагах.

– Ванюша, ты даже не представляешь, что это... Раньше диггерё могло за такие бумажки убить! Или страстно отдаться. – Рамен пытался шутить, но самого так и колотило от возбуждения. Он даже нюхнул безбрежные сизые простыни схем, немедля звонко чихнув, чем поднял клубы едкой пыли. Редкие седенькие космы взметнулись и опали.

Филин поправил респиратор и угнездился поудобнее на скрипучем конторском стуле. Подумав, добыл из-под стола табуреточку, чтобы ноги закинуть, и перегнездился. Старого явно пробивало на потрындеть. А Филин что? На то и Филин, чтобы слушать. До ночи время есть. Тем более что ни в бункере, ни в подходняке никого нет.

Иногда диггер начинал бесить, и тогда Ваня напоминал себе, что в одиночку спалился бы. Если не сразу, то на том, третьем датчике в стволе – уж точно. И слушать надо, даже необходимо. Иначе старичина забухает, что на заброске – недобро. Рамен, воздев узловатый палец, изрёк:

– Это геоподоснова!

– Ну, за ней, собственно, и шли. – Филину как-то не передавалось стариковское волнение. – Повезло, конечно...

– Дурилка ты, Ваня! Вот, смотри, тут всё одно на другое наложено. Они под конец смотрели, что у них вокруг, наверху и внизу. Интересовались. – Рамен неприятно хихикнул в бороду. – Вот прямо над нами кабельник, чуть в стороне – похоже на метро, сто пудов метро, а вот эта штука, на секундочку, на отметке двести пятьдесят. А там – речка подземная.

– У нас есть подземные реки? Как в Чехии? – Филина учили быть приятным собеседником.

– Вы, наружные, такие все дикие! – Усмехнулся старый диггер. – Карста под Москвой нет, двадцать метров самый большой. Это обычная речка, убранный в коллектор. Чичорра!

Филин аж вздрогнул от неожиданного пиратского клича, но сообразил, что это название реки. Может, Чичёра какая-нибудь? Каррамба! Где-то через полчаса, нежно закруглив беседу, он пошёл смотреть, слушать и думать. Вслед ему из гермодвери высунулась клочная диггерская борода:

– Они неподъёмные! Три рулона схем этой геоподосновы!

– Да хоть десять. Жди меня, и я вернусь. – Когда Ваня сворачивал в коридор, в недрах склада с оттягом шлёпнулось об пол нечто мягкое, и Рамен победно простонал:

– Пять рулонов! И здесь ещё из архива Моострансметрогипростроя! Папки!

– Только очень жди!

Филину было совершенно не понятно, что такого можно найти под землёй, чтобы задержаться здесь хоть на минуту долее необходимого. Душно, пыльно. Хоть сухо, хоть мокро – попить не найдёшь. Путей отхода никаких. Мертвецы ещё. Откуда у диггеря этот огонёк в глазах?

Обшитый железом коридор упирался в незапертую гермодверь технического отсека. Внутри вела тропинка грязных следов, туда же тянулся толстый кабель – в недрах отсека пряталась водооткачка. Уже после гибели бункера некий геройский ликвидатор запитал насосы снаружи. Третий и шестой блок оставались незаражёнными, и дренаж был нужен. Сейчас там, за забутовкой, были склады и вроде бы до сих пор жили некие агорафобы. Оставалось надеяться, что туземцы не заметят внезапный расход воды от Ваниного мытья.

В гулкой тёмной дизельной знакомо пахло старым тленом. Со временем запах становится тонким и изысканным. Фонарь высветил титанические дизеля и генераторы, наполовину утопленные в бетон, цистерны для соляры и масла, – безнадёжно пустые, – и ещё много чего. Прежде всего побитую жизнью телегу-рохлю – вот на чём те рулоны к стволу везти! Железный трапик вёл вверх, на второй этаж к двери с надписью «дизелисты».

За простреленной с обеих сторон гермодверью обнаружилась слесарка со станками и верстаком. На столе стояли чашки, чайник, даже коврик у дверей лежал на положенном месте. Чай в открытой пачке был негоден – вот гадство! Мимимишное впечатление слегка портила скверна на стуле в углу. Из разлезшейся чёрной груды желтели кости. А может, это тот самый ликвидатор, что кабель сюда притащил? Сходил в один конец... Может, и так.

Филин уже сто раз работал под землёй, но от всего вот этого вот по-прежнему ощущал тянущую безнадёгу. Запертое изнутри бомбоубежище с неработающей вентиляцией. В подходе слой грязи в палец. А ну-ка угадай, что там внутри? Если не затоплено – всегда одно, и этого не развидеть. А затопленное ещё и откачивать придётся – тоже работа...

А то ещё бывает, убежище – натуральный склеп, все ужасы ночи, а мимо скверны в пыли подметена тропинка к водооткачке, и насосы – новенькие и работают. Потому что контракт, или потому что дренажка объекта общая с какими-то ещё живыми сооружениями... Ну, почти как здесь.

Логично, что последний в конце концов оказался именно у генераторов. Всех остальных этот невмиручий затейник аккуратно рассадил и разложил в кабинете начальника объекта, щедро залепив дверь скотчем. Рамен считал, что чувак сошёл с ума, а Филин стоял за личные счёты и санитарию. Потом, наверное, сидел тут, пока не затих дизель. Может, даже дождался, пока сядут аккумуля. Да всё одно же: вот пистолет, вот бурые брызги на стене.

Всё-таки до самого конца бедолага тянуть не стал – в уголку под верстаком нашлись маленький генератор и полканистры бензина. Филин возликовал, так как ненавидел физический труд. Впрочем, он и умственный-то недолюбливал. Пистолет Ваня прибрал, кстати. «Макаров» тоже сгодится, на халяву-то.

Дальше было просто. Где-то там тархтел душный генератор, ныла лебёдка, выплывали из тьмы вентстволы в руки Филину любовно упакованные рулоны. Счастливый Рамен бухтел снизу в рацию, что не коридор, а ходок, причём грузовой ходок, и не отсек, а блок, причём технический. И учись, учись, салага, а то всю жизнь наверху просидишь.

Ночь. Первый глоток мерзоватого московского воздуха пленителен, сладок и бьёт по мозгам как спирт. В этом воздухе озон, запах снега, угольной гари и неперемного дерьмеца – всего этого, кроме дерьма, внизу и в помине нет.

Старый Рамен шурился, как кот, испытывая своё извращённое диггерское удовольствие. Он не раз говорил, что у диггера два кайфа: залезть в подземлю и вылезти из подземли.

Они, диггера эти, вообще странные были, всё у них с ног на голову. Рамен рассказывал Филину про свои любимые «лихие девяностые». Мол, семенит по улице домой припозднившийся цивил, и всё вокруг опасно, бандиты-братки повсюду. От теней шарахается, бедолага, от фонаря к фонарю перебегает, а уж в переулок заглянет – вообще ужаснётся, там темно, дерьмища навалено, аммиаком шибает и неприятностями. И цивил совершенно прав в своих опасениях, рано или поздно он добегается.

Но ровно в то же самое время в этом же самом переулке со скрежетом отодвигается люк, и из облаков сытного пара вываливается в лужу щуплый диггер, грязный и довольный. Закрывает люк как было, отбегает за ближайшую кучу мусора и, такой: «Ф-фух-х!» Открывает бутылочку пива, закулив сигаретку, и этот жуткий криминогенный проулок мил ему, как дом родной. Три часа ночи, тёмная подворотня, ментов не видеть, не слышать, на выброске не спалился – лепота! Лучшее место первопрестольной.

Гопники диггеров не трогали, потому что не стоит трогать чумазого очкарика с гвоздодёром, хоть даже во мраке родной подворотни. Денег у того наверняка нет, а друзья есть, да и болторезом по куполу огрести можно легко. Так что пусть гуляет от греха подальше...

Буквально через минуту после звонка во двор зарулил грузовой каракат из гаражей в Мамырях – любимая отработала чётко. Из пурги членистоногим ангелом спустился коптер

с камерой, потребовал свежих аккумуляторов. С водительского сиденья чортиком выскочила Тра в сноубордерском комбезе, мигом перещёлкнула летуну батареи, и только потом обняла Ваню:

– Филин, ты тупица. Ты у меня в кузове калошу посеял...

Тут можно бы подробнее рассказать насчёт Тры и её необычной истории, но там их личные шуры-муры с Ваней. Так что потом как-нибудь.

Коптер свечкой ушёл в метель – смотреть дорогу. Ещё через две минуты у неприметной вентиляционной отдушины в чреве мёртвого дома не было никого.

02. На районе ночью

Со смелой Трой на каракате Рамен расплатился сразу по прибытии на район – не было резона впутывать деву в остальное. И делиться остальным тоже резона не было. Во вьюжной мгле, крихтя и попукивая, они вдвоём с Филином перетаскали добычу в стариковскую берлогу в девятиэтажке, змеившейся через весь пятый микрорайон.

Тут же диггер вежливо, но решительно выпинал Ваню прочь. Почёсывая репу, тот постоял под дверью и послушал, ожидая, какого-нибудь бурного извращённого соития с чертежами, но старичина только шуршал, чихал да мерзко скрипел карандашиком – в общем, занимался старой доброй архивной работой. Олдскульной аналоговой архивной работой, тёплой и ламповой. «Ну и хрен с тобой, золотая рыбка!» – позавидовал Филин и, закрутив лихую самокрутку, отправился домой, спать.

Три часа ночи зимой – собачий час. Удивлённый китайский гадатель возразил бы, что три ночи – это переход от часа быка к часу тигра, когда тигры особо свирепо рыщут в поисках добычи. Мы бы терпеливо выслушали его кантонский диалект и возразили, мол, ты по сторонам посмотри, циньшихуан недобитый, какие тут тигры на Теплаке, кроме котов? Собачий час, как есть собачий. Бу тхай хао.

На улицах никого, фонари синеют вполнакала через один, а Филин идёт себе в пятне солнечного света, идентичного натуральному. Ближние фонари просыпаются, светят лучиком ему под ноги, а потом задумчиво глядят вслед, пока вновь не задремлют.

Бесконечные ряды девятиэтажек слитно сопят тридцатью тысячами носов, в основном сопливых по зиме. В каждом подъезде непременно кашляет на кухне кто-нибудь древний и ветхий, вспоминая за кофею, как эти девятиэтажки были совсем-совсем другими. В которой было двенадцать, а в которой и все двадцать два этажа, и именно в эти верхние этажи чаще всего прилетало при обстреле. Панельные дома оказалось проще разобрать, чем чинить, к тому же панели были позарез нужны для устройства блокпостов и заграждений. И в конце концов князинежка решительно подстриг весь район под девять этажей, уплотнив поредевшее население.

Чтобы народ не тосковал, владелец перекрыл униженные дома деревянными мансардами-теремками. Город стал экзотичен, будто росли себе унылые советские строения, а потом все вдруг спохватились, вспомнив духовные скрепы, да и расцвели махровой грибной берендейщиной.

По конькам и наличникам весь Тёплый Стан пышно расцвёл резными-расписными сиринами, горгульями, шакти и лениными. Так князь трудоустроил до батальона беженцев, всех, у кого руки не из задницы. Бежали от румынского смеха, но, как известно, не убежал никто, и творчество выживших стало донельзя сюрреалистично. Для многих сюжетов даже славно, что всё вырезано мелко и на уровне десятого этажа. Однако теплостанские резчики теперь повсюду славятся. Как обычно, князьки дела дали обильные причудливые плоды.

По другой стороне улицы несли друг друга к метро два Очаковских дембеля, ДД и Сугроб. Пышные аксельбанты на ушитой форме ослепительно сияли в фонарном луче. У метро, в круглосуточном «Му-му» можно было ещё добавить, и даже прилечь. Хмельные соколы радовались штатской свободе и истошно орали на людоедско-фашистский мотив: «Новые пого-оны – старая снаряга, В роте новый командир и новая прися-ага!»

Сверху, из фонаря, за ними телевизионно следил квартальный Силантьев, ухмыляясь в усы. Парни давно уже наработали на всяческие грозные кары, но Силантьев до сих пор отлично помнил свой собственный дембель, и продолжал попивать кофий на боевом посту.

В свете всего вышеизложенного неудивительно, что Филин в задумчивости отклонился от праведного пути домой и обнаружил себя в спорт-баре в ста метрах от подъезда. Под про-

клятия бильярдистов, тонущих в самокруточном дыму, ему сразу налили пятьдесят спирту и разогрели жареного мяса. По телевизору крутили танковое родео, полуфинал в Волчанске.

03. Крокодилы ходят лёжа

Отоспаться Филину не дали, и дверной звонок сверлом ввинтился в висок. Только и успел, подобно Дракуле, вскинуть скрюченные длани, а бабушка уже приветливо впускала в прихожую Рамена, угрожая чаем и оладушками. На часах было восемь. Все были неприятно бодры. «Вот обрежу звонок, как есть обрежу» – с усталой тоской подумал Ваня.

В миру диггер Рамен смотрелся последним теплостанским бомжиком, прямиком из Красной книги: бородёнка, псивое голубенькое пальтецо с торчащим синтепоном, ушанка, какие-то чуни рвотные, дюралевая палка да неременная «хозяйственная сумка-тележка» повышенной проходимости. Старый нежно говорил, что «эти идиоты с ней в метро пускают». Очевидно, через могучую сумку в метро попало много ранее в метро не виданного. Сейчас вместилище бугрилось углами, а наружу торчали лом и хвостовик метрового сверла от перфоратора. Зрелище не обещало отдыха.

Так оно и вышло. Филин едва успел одеться-умыться, а Рамен с бабушкой уже и чаю попили, и оладушков поели, и о делах поворковали (он деликатно приглушил их канал), и собрали всё к выходу. Когда им надо, эти старики такие быстрые...

Филину выдали оладушек в пасть, тормозок с обедом – в рюкзак, и попутного шлепка в тыльную часть организма. Не избежал он и ритуального обматывания десятками метров бабушкиного шарфа. Шарф был немедля накручен на катушку витой пары и скрыт в пожарный шкаф у мусоропровода.

Наличие геоподосновы меняло всё. Уж на что Рамен знал теплостанскую подземлю, но и сам не ожидал, что достаточно в трёх местах подолбить, прокопать десять метров тут и пять – там, чуть-чуть подвзорвать – и вот он, прямой путь от подвалов кинотеатра «Аврора» до разбитой заправки у самого МКАДа.

Официально заправка значилась площадкой консервации техники. За забором ржавели несколько танковых корпусов, а также пара десятков прицепов: в основном аквамашины, но была и пара заслуженных крематориев. В третью эпидемию Румынского смеха адовы машины переработали две трети населения Теплака, а без них район и вовсе обезлюдел бы от заразы. С тех пор старая заправка стала прибежищем барсуков и лисиц: в этом милом месте даже вездесущие пацаны не шастали.

На взрывы алюмотола, вопреки филиновым опасениям, никто внимания не обратил. Такой уж народ на Теплаке, привычный к подземным взрывам. Или же коммунальщиками овладела хорошо проплаченная выборочная глухота. И на датчиках нигде не спалились – как-то не попадалось датчиков.

Тяжко далась лишь рукопашная проходка. Рамен приташил множество интересных предметов: совочек, тыкалки, надеваемые на ноги, спинку, чтобы упираться, и даже дощечки для крепи, второй ходкой. Так, на спине, перебирая ногами по-велосипедному, чуть больше чем за сутки Ваня прорыл нечто длинное для ходьбы лёжа. Поганый Рамен вновь отговорился слабосильностью, принёс фляжку спиртяги и тупо отсутствовал, так что оттаскивать землю пришлось тоже самому.

Когда работа была завершена, всего полторы пяди дерьмобетона отделяли товарищей от подземелий «Авроры». Любитель прямолинейной прямизны ринулся бы в киноху напролом через кабельный коллектор, в объятия свежей сигналке. Вот что ты поделаешь с автономными датчиками объёма? Ничего не поделаешь. Так что истинно прямой путь прошёл через кабельники, дренажку, подвалы, через разбитую бомбьяру, рабочую бомбьяру («здесь идём тихо и не тронь тот геркон!»), и даже несколько метров по старой фекальной канализации. Ваня не уставал благодарить Господа, что большая часть подземли была сбита воедино ещё в войну, когда люди тут месяцами жили.

Тёплый Стан явил смелым все чудеса своих недр, кроме подземной речки. На том землекоп положил язык на плечо и отправился спать.

04. Ограбление века

Рамен вновь нарисовался через три дня, притащил с собой некоего Крыса, румяного откормленного вьюношу с громким смехом. Зачем им весёлый Крыс, Филин не понял, решив о том не думать до поры.

Дальше всё было стандартно: сто метров шарфа, обед с собой, сухонький клевок в щёку и шлепок по заднице. В щель закрывающейся двери Филин заметил, что бабушка его крестит. «Ой что-то решится сегодня» – подумалось Ване. Да это и так очевидно было.

У подземного перехода к метро, помахивая сверкающим стетоскопом, солидно вышагивал доктор в шапочке и белом халате. На каждого прохожего он топорщил густую белую бороду, и без стоматологического флаера было уже не уйти.

За докторской спиной стоял казачий БТР с чёрно-фиолетовой Полистовской полосой, а на широкой броне спине памятником самим себе торчали два казака в косматых шапках. Обмотанные пулемётными лентами, как терминаторы, служивые сурово глядели куда-то вдаль. В сторону магазина, не иначе.

Казаки проявились на Теплаке с месяц назад, после ротации на позициях за Вороново, и это были неправильные казаки. Пришли на зимние квартиры. Теперь в предбаннике каждого магазина вращались в кафель по два-три хмельных героя, все в лампадах, и рассказывали о своём героическом героизме. Насколько Филин знал, на Вороновском плацдарме ещё с весны действовало аппаратное прекращение огня, но кого волнуют детали?

После каждой ротации в армиях окрестных государств на Тёплый Стан непременно накатывала мутная волна дембеля и дедов в отпуску. Всё-таки самое цивилизованное место на МКАДе: рынок, киноха, халявный вайфай. Отопление в номерах! До сих пор князьинке как-то удавалось всех прибрать к присяге или сплавить. На Теплаке с вменяемого человека дембельский шик слетал, как с белых яблонь дым, за неделю, не больше. Паводок героев случался пару раз в год, и после каждого нашествия поседевшие кадровики и городские дружно шли в отпуск.

Только вот с Полистовскими казаками вышла осечка. Они целиком заняли старый кинотеатр «Аврора», всерьёз намеренные зимовать на районе именно в казачьем качестве. Так сказать, широко трактовали понятие союзнического долга. Теперь перед крыльцом кинотеатра громадились дрова из заповедного Тропарёва, и тут же в полковом котлище варилось что-то с мясом. На антенне стоящей рядом чёрной БРДМ-ки сушились портки.

Все знают, что жизнь в городе начинается, когда в него заходят гусары. Волоокские девы Тёплого Стана тех моторизованных венгров до сих пор с теплотой вспоминают да лайки им ставят. Только вот казаки – не совсем гусары. Как говорят трепещущие враги, русский казак – это смесь православия с мародёрством.

Не далее как вчера Филин наблюдал на рынке сурового пулемётчика, убеждавшего торговцев, что безопасность нынче стоит денег, или хотя бы скидок на картоху. Потому что так везде, и так же будет в вашем Тёплом Стане! Вот только с местом предьявы боец ошибся: он не рискнул читать свою проповедь в чистых галереях «Принц-Плазы», и на ярмарке за ней тоже помалкивал – там-то каждый третий такой же бодрый и усатый, а остальные – бабки, которым вообще всё равно.

Течение неуклонно затягивало воина всё глубже, пока он не оказался в самой средоточии Тош-Толкин Базара, чьи сумрачные галереи рассекают кварталы-махалы и хутуны Узкого. Там, в глубине, торжище расслаивается аж на четыре этажа. Путешественники рассказывают, что на верхних ярусах рынка всё черным-черно, а славянской речи в помине не слышно. Там все сплошь в поясах шахидов, а один дружинник как заблудился, так и выбрался потом аж в самой Фергане. Из Тош-Толкина можно годами не выходить на улицу, питаюсь лагманом и мантами,

подстригаясь, одеваясь, раздеваясь, зарабатывая и проигрывая деньги, а также переводя их в любую точку глобуса через княжских хаваладаров.

Филин как раз приобрёл себе приличные берцы «Спецназ», ещё старых времён. Он отыскал их в дальнем закоулке третьего этажа, а потом на первом пламенно выторговал себе клёвую баранью ногу с курдючным жиром. Ваня уже расслабленно покуривал-трепался с Фаридом, мясником-халялыщиком, когда в соседнем ряду началось казаческое представление. Фарид печально указал топором на безобразия и негромко промолвил:

– Гляди, Филин, вот ведь свинья пьяная. Каждый день такие ходят, да? Хрен ему по всей морде, а не скидки!

Действительно, торговым обществом в радиусе поражения казака внезапно овладел языковой кретинизм вавилонский. Раскрасневшегося пулемётчика окружали совершенно ничего не понимающие восточные лица, словно вырезанные из тёмного дерева. И отвечали ему, сочувственно кивая головами. Отвечали по-татарски, по-узбекски, по-турецки. По-вьетнамски. И не только. У пулемётчика появился неиллюзорный шанс заблудиться и выйти в Фергане – вот так и рождаются нездоровые сенсации.

Это всё там же, где вот только что Ване кричали: «Подходи, дорогой, груша – сладкий мёд! Вечерний базар!» Интересно, что владелец нашего болезненно многонационального города намерен делать со всем вот этим?

Но это всё лирика. Близилось Дело.

Под землю заходили недалеко от кинотеатра через бомбоубежище 94-ой поликлиники, невзначай открытое. Заперлись, присели среди груд фанеры и досок – кто-то тут столярил. Дальнейшие действия обрисовал не Рамен, а внезапно Крыс.

– Сначала ты, Филин, слушаешь всё, что можно, из-под самой стенки «Авроры». Прежде всего интересно, где и сколько казачков в подвале. Очень важно, чтобы никто не погиб. Дальше заземляемся, тщательно заземляемся, надеваем масочки-гайфоксовки, перчатки не снимаем. Я взрываю стенку, тачку перед входом и джеммер. Надеюсь, это отрубит электронику. Мы всё собираем, а ты, Ваня, всё так же слушаешь. И тикаем до самого МКАДа. На поверхности вторая треть денег капает на счёт, и расходимся. Могу потом желающих подвезти до Троицка. И даже советую. Окончательный расчёт после, когда дерьмо уляжется. Как-то так.

Сулящий деньги Крыс сразу вырос в Ваниных глазах. А что ржёт всё время – пусть его ржёт, можно и потерпеть. Польза от Крыса стало ещё более очевидна по пути. В ключевых точках маршрута уже сидели маленькие аккуратные заряды – ровно столько, чтобы потолок сел, если вдруг потребует. По стене тянулся солидный силовой кабель, по углам тихарились датчики. У самого весельчака-подрывника обнаружился древний нетбук, к которому тот не подпускал, как альфа-самец к заду. Интересно, чем ещё можно управлять с этой невзрачной машинки?

Под самой «Авророй» Филин расслабленно прилёт на земляной пол собственноручно прорытого тупикового шкурника, привычным усилием начиная загрузку. Матушку Сыру Землю слушать – не баранки трескать. Нужен хороший физический контакт. Выносные микрофоны вот туда на бетон и туда. Рамен, блин, можешь не егозить? Лучше вот эти вот колышки повтыкай, туда, подальше. А эту фигню на улицу через люк выкини. Только шлейф не передави.

Где-то там, под сердцем, Ванино ядро с царственной неторопливостью разворачивало павлиний хвост хитрых программных микшеров, фильтров, спектроанализаторов. Потом всё это должно летать быстрой птичкой в нереальном времени – скажем, в боевой ситуации. На практике летает в точности как павлин. И вообще, для нормальной работы лучше прилечь. В боевой ситуации, конечно же. Звуковой редактор неспешно протестировал наличные ресурсы, нагло откусив половину оперативы.

Даже на холостом ходу процессоры начали печь подбрюшьё. Жжёный западный мост отзывался ледяными уколами в бок. В консоль летела немецкая ругань об ошибках. Это надо претерпеть. Наконец, с Ваней суетливо поздоровался как всегда опаздывающий розенталь-процессор, и стало можно работать.

Вдалеке по перегону метро протарахтел мотовоз, чётким стуком обозначив всю подземную архитектуру. Осталось только совместить очертания с куском оцифрованной геоподосновы.

Трамвай и танк. За пять минут они достаточно точно прорисовали своим грохотом окрестные дороги и трубы дренажки. Танк, кстати, недалеко ползает – казачий, не иначе.

А вот в подвале старого кинотеатра за стенкой, и за ещё одной стенкой, вот так, работает стокиловаттная вентиляция, наполняя рёвом обширную венткамеру... Этот шум фильтруем, чтобы не мешал.

Грохот вентилятора как отрезало, и по венткоробам сверху пришли неясные пока ещё звуки. Направленный микрофон, выкинутый Раменом наружу, принялся глазеть на окна кинотеатра, то в одно, то в другое.

Каждый чих, получив своё место в базе, бывал усилен, перемодулирован, обрезан по частотам, обжарен и подан с маслом на стол размышлений.

Через десять минут контакторы жгли кость Филиновой головы, гоняя по мозгу холодную мигрень, а стиснутые зубы ныли, но теперь на электрокарте здания и прилегающей местности были помечены красным аж сорок два человека и синим – пять единиц всяких электрических глюкотронов. И все метки Ваня с переменным успехом вёл и отслеживал. В учебке у него пятёрка по ведению была.

Большая часть казаков смотрела в малом зале «Голубую бездну» с семками и сухариками, кто-то в баре нахваливал борщ, многие дрыхли в фойе, а на третьем этаже в директорском сортире некто плодотворно заседал с глянцевым, судя по шуршанию, журналом – атаманом будет. Так и пометим. На посту в подвале стояли всего двое, точнее, лежали и совокуплялись.

– Казак с казачкой? – Ваня не успел отключить усиление, и удивлённый голос Рамена как молотком в лоб ударил.

– Казаки-и! – взвыл Филин, – как есть казаки! Ну, один – кыргыз приبلудный, что ли, акцент восточный у него! К чертям гомофобию, заземляемся, пока они не кончили!

Каждый намотал себе шапочку из фольги, а специально оставленный хвостик закусил вместе с проводом, приваренным к торчащей из стены арматурине. На левой стороне специально для этого есть четыре электропроводных зуба. Натянув прямо поверх фольги поношенную гайфоксовку, Крыс скомандовал:

– Все системы стоп! Три! Два! Раз!

За поворотом глухо бумкнуло, до налётчиков долетели крошки цемента. В образовавшееся отверстие Крыс метнул противогазную сумку – джеммер в ней, по ходу, был размером с голову младенца, слобойный. Тьма.

Филин очнулся мордой в землю с проводом в зубах и пару секунд не мог понять, кто он и что он. Так всегда бывает после электромагнитного удара, хотя сознание уходит лишь на мгновение. На третьей секунде он уже врубал и тестил все свои системы, собирал выносные блоки, и уже полз к пробитой взрывом бреши. Провод на всякий случай не выплёвывал и продолжал прислушиваться.

Джеммер пробил до самого кинозала, через два перекрытия, решительно и люто. Кино наверху остановилось, половина народу вяло ползала по полу, некоторые просто лежали. Остальные быстро, как им казалось, бежали на улицу. Туда же, на улицу, стремительно ползли и влюблённые охранники из подвала. Перед зданием шумно горела машина – та, о которой Крыс говорил? Похоже, в тачке тоже был джеммер, и тоже не из слабеньких.

Филин для чёткой работы прижал эмоции медблоком, и потому с ледяным спокойствием наблюдал, как товарищи в четыре руки вскрывают старомодный дубовый гроб в центре захламлённого отсека.

Гроб был примечательный, боевой и заслуженный. На охватывающих поцарапанное вместилище латунных полосах слесарным штампом были выбиты названия десятков селений, от Великих Лук до Цевла. Замошье встречалось раз семь. Последними значились Калуга, Вороново и собственно Тёплый Стан. Кем бы там ни был этот Дракула-путешественник, но он в своём гробу исколесил полстраны. Заперто было аж на два хитрых висячих замка. Интересно, подумал вдруг Ваня, а изнутри хоть щеколда есть? Для переноски саркофагу привинтили шесть ручек от снарядных ящиков, и вокруг них морёное дерево вытерлось до блеска.

Крыс, не мудрствуя лукаво, пробил в крышке дырку для эндоскопа, глянул внутрь и сказал «ага», после чего в какие-то секунды отхватил болгаркой кусок стенки. Через образовавшееся отверстие, сияя от восторга, он вытянул длинный синий пакет на молнии – явно со скверной внутри. Внутри гроба, кстати сказать, стоял геркон на открывание и корабельная сирена. То ли каждый выход наружу сопровождался военно-морскими церемониями, то ли где-то стояла секретная кнопка. Но не суть важно. Крыс уже упихивал скверну в свой транс.

За похитителями следила целая гроздь безнадёжно палёных камер и датчиков. Жив был только геркон на двери – потому что туп. Через минуту наверху выделилась группа из пяти крепких дядек, и они галопом понеслись в подвал. Похоже, казацьи безопасники наконец-то уловили нерв момента. На двери изнутри очень кстати обнаружился засов, немедля Ваней запертый.

– Я думаю, пора убежать. – Ровно сказал он. – Нас убивать идут.

– Да, да, бежим! – горячо поддержал Рамен, не отрываясь от интеллектуального занятия: малевания «caves.new» светосоставом во всю стену. Из залежей хлама по углам старичина извлёк несколько огнетушителей – они теперь злобно шипели вялыми струями во все стороны.

Окинув картину взглядом, маэстро добавил последний штрих: несколько охапок окурков, мусора и натурального дерьма были раскиданы в стороны из его бесценной «хозяйственной сумки-тележки». Так вот зачем старой её тащил!

– Пусть теперь анализируют, анализаторы анальные. Генетики... Ходу!

Крыс взорвал зарядик перед самым носом преследователей, когда те почти уже вышибли дверь. Через пару минут Филин спросил Рамена, не перестающего щедро сеять дерьмо:

– А почему кавес? Чем кавесы не угодили?

– А потому что спалят всё!!! – загадочно ответил диггер и визгливо заржал.

Крыс оказался ещё и бережлив: остальные заряды не взрывал, а направлял в тележку к Рамену, вместе с датчиками. Под конец старой еле волок ту сумку, а не влезшие устройства вереницей ползли за ним следом, как посуда в поэме «Федорино Горе». Оглянувшись ненароком, диггерище ветвисто выматерился и вывалил всё добро на пол: пусть бежит само, раз такое резвое.

В Троицк Ваня не поехал, хотя и уговаривали. Уже к ночи, отмывшись, пожрав и переодевшись, он выбрался к метро за пивом, баллистом и трубочным зельем. Климат совсем вразнос пошёл: во тьме, осаживая сугробы, сеялся первый в этом году дождь. Это в феврале-то!

Всё уже успокоилось, на площади прибрали, взорванную машину утащили в металлолом. Лишь два фургона телевизионщиков стояли у перетянутого полосатой лентой розового крыльца «Авроры». Невыпряженная телевизионная лошадь кушала овёс из сумки, подвешенной на шею, топталась под дождём с ноги на ногу. Всхрапнув, зашипела на Филина пневматикой.

Перевернутый полковой котёл сиротливо лежал поверх обгорелых дров. Больше всего в сложившейся ситуации Ваня, как любой голодавший, жалел попусту пропавшую еду. Сытно

пахло чем-то с мясом. Ещё поверх дождя воняло мокрыми конями, тротилом и горелой изоляцией.

Почти все сидели где-нибудь под крышей, лишь у подземного перехода, неровно шатаясь, упрямо буцкались двое пьяных. Боевитый казачок, весь в шевронах с медалями, всерьёз теснил большого плюшевого кота с розовым рюкзаком. Городовой, обычно довлеющий поблизости, теперь мастерски отсутствовал. Служивого удалось отвлечь сигареткой, но ничего внятного он не поведал. Последним ярким пятном реальности для урядника стал подрыв его БТРа в Боровском котле.

Уже уходя, Филин мельком глянул на второго алконавта и с ужасом признал в грязном мокром коте давешнего подтянутого профессора-стоматолога. Знакомая борода топорщилась из плюшевой пасти костюма, источая перегар, а вокруг были рассыпаны флаера питомника по борьбе с грызуном, что на Варги. У них ещё на заборе, помнится, по-мордорски написано «Гар. Грыз. Гар.» Боже мой, подумал Ваня. Боже мой, доктор, как низко вы пали! Вы же животное, доктор.

Доктор шмыгал носом и пах котами.

05. Пир духа

Биткойнов на счёт капнуло презрительно. Филин был доволен, а казаки нет: их надежды на сытные зимние квартиры рухнули. Общество не стало нанимать на службу тех, у кого у самих не знамо кто украл не знамо что, да ещё с таким шумом. Казачество стояло на ушах неделю, а светлейший князь Теплостанский беспомощно разводил руками. Не станет же он с обществом спорить?

Тогда воины посягнули то ли захватить, то ли пикетировать князинькину администрацию, но оба их танка как-то внезапно сломались, совсем сломались, а более внятных доводов казачество представить не смогло. А там и следствие по делу о похищении неизвестно чего успешно зашло в тупик... В конце концов поиздержавшаяся сотня откочевала зимогорить на Волгу. Танки увезли на трейлерах, любезно сданных в лизинг князинькой.

Закончился вечный март – даже не верилось. И однажды в середине апреля, как попёрла зелень, Рамен вызвал Ваню для окончательного завершения дела.

От Филинова дома до церкви посёлка Мосрентген минут двадцать ходу – до перехода через МКАДов вал, по самому посёлку, аллеями Салтычихина имения, и вот она церковь, за прудом. Сотни лет назад всем тут владела жуткая маньячка Дарья Салтыкова, вдова ротмистра, изведшая лютой смертью сотни своих крепостных. Где-то вокруг церкви они все и похоронены.

Дошло до того, что злая помещица чуть не сгубила землемера Тютчева, по которому сохла, и дед великого русского поэта еле спасся с семьёй. Ещё Ваня любил втирать редким туристам, что именно вот в этом пруду Герасим утопил своё Му-Му. А потом его самого Салтычиха утопила там же.

И по пути Ваня праздно и спокойно размышлял о многом. Почему всё в этом деле вертится вокруг каких-то трупов? Как можно ещё более окончательно всё завершить? И, кстати, сколько денег капнет на счёт? Или же его закопают, ведь исполнителей положено убирать? Ну, в таком случае они от бабушки неслабо огребут...

А то вот ещё есть теория обращения темпераментов, мол, в критической ситуации характер человека меняется на противоположный. Флегматик в беде вдруг являет фонтан холерической активности, а заядлый холерик вдруг действует холодно, точно и флегматично. Стоило надеяться, что второй пример – как раз про него, про Филина.

Под праздные мысли Ваня проследовал мимо избушек, детей, бабок, рынка, гопников, цыган, медведя, гопников, развалин – кто бы мог подумать, что в восемь утра в Мосрентгене столь оживлённо! – и по плотине между усадебных прудов вышел к церкви.

Храм Святого Василиска в Мосрентгене был объектом стратегическим. Дело в том, что населённый пункт без храма – это деревня. Да что там, бывают деревни даже и с церковью. А вот если церковь есть – то это уже, может быть, село. Там же сразу и школа, и богадельня. Изначально в Теплаке была Анастасия-Узорешительница на краю Тропарёвской пуши – и всё.

Ну а если церковей две, то по Понятиям можно дерзнуть и объявить себя городом о двух концах, и тогда всё завертится, и начнётся городская жизнь со всеми её мещанскими радостями, рынком, киношкой и котельной. Ну и с электричеством, да. Трамвай можно будет завести.

Так что однажды прозябающие при лучине мосрентгеновцы получили от князиньки щедрое предложение, от которого не смогли отказаться. Очень уж смутил их знаменитый княжеский бронебульдозер «Химейер» посреди центральной площади – именно там он остановился, проехав через здания поселковой администрации и «Райзембанка». Поводом к визиту послужили какие-то дешёвые политические предьявы сельского головы, не подкреплённые здравым смыслом. Никто уже не припомнит, что там было.

Некоторое время после референдума его высочество термоядерно именовалось «Князь Теплостано-Мосрентгенский и Мамырей». Как только ни коверкали этот титул несчастные иностранные послы – любо-дорого было послушать! Однако вскоре владелец задёшево прибрал выморочную усадьбу Узкое с руинами ещё одной церкви, и узостей в фамилию добавлять уже не стал, да и от радиоактивных титулований избавился, став обычным Князем Тёплого Стана, таким простым и близким. Тёплый Стан теперь считался городом о трёх церквах, и это было только начало.

Вместе с Мосрентгенским храмом князю достался его настоятель, отец Глеб. Давным-давно батюшка натурально упал с неба вместе с грузовым дирижаблем «Монро», набитым полумёртвыми русско-украинскими беженцами из Торонто. Переосвятив осквернённые руины ближайшего храма, Святой Троицы, в честь великомученика Василиска, священник тотчас принялся там служить. А при первых же княжих выборах в совет громады случился скандал до небес: по документам батюшка оказался мало что канадец, но ещё из Болгарской Православной Церкви...

Над священником сгустились канонические тучи, но упрямец продолжал служить, раз уж начал. По субординации с самого начала следовало испросить благословения у самого Патриарха, но падение воздушного корабля совпало с Сергиевопосадским инцидентом. Тогда у Московского Патриархата возникли проблемы не то что с патриархом, но и с самым апостольским преемством, а тут ещё и карантин... Именно потому отец Глеб соборовал-отпевал несчастных канадцев совершенно самочинно.

А по окончании карантина оказалось, что батюшка уже покрасил храм, устроил школу, типографию, починил тёткам из «Лизы-алерта» фармгенератор и в целом мощно укоренился. Так и не собрался на поклон, в общем. И теперь Отец Глеб, сам родом с Урала, заявлял, что в Израиле уже был, в Канаде – был, а теперь завершил кругосветное путешествие и никуда от родных берёзок более не двинется.

Духовный мир наступил внезапно, с прибытием тяжёлой артиллерии. В Данилов монастырь к последнему незапрещённому в служении архиерею, митрополиту японскому Ионе пришёл с попутным конвоем запылённый Нафанаил, митрополит Врачанский. Злые языки говорят, что в караван священника пристроил прямо вот лично князь. Врут, конечно. Нафанаил был натуральный болгарин, похожий на измождённого Филиппа Киркорова. Предъявив документы, он напомнил, что русские и болгары – братушки, а их церкви – сёстры, и находятся в каноническом общении. И, кстати, Болгарская сестра сильно постарше будет.

Маленький японец Иона прекрасно помнил Филиппа Киркорова, и ни о чём не стал спорить, себе дороже. Попы облобызались и рукоположили взвод свежих архиереев. Нафанаил занял домик через площадь от монастыря, для напоминания, и назад в Болгарию уже не пошёл – по всей его Врачанской епархии фантогеновый фон зашкаливал за смертельные девять единиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.